

A portrait of a woman with long, wavy brown hair and light blue eyes. She is wearing a black lace top. The lighting is dramatic, with strong highlights on her face and hair, and deep shadows elsewhere. The background is dark and out of focus.

**ЛИЗА ВАСИЛЪЕВА**

*Весело и страшно*

18+

Лиза Васильева  
**Весело и страшно**

«Автор»

2025

## **Васильева Л.**

Весело и страшно / Л. Васильева — «Автор», 2025

Рассказы цикла «Весело и страшно» объединены не сюжетно, а тематически. Цикл представляет богатую панораму нестандартных ситуаций, в проживании которых герои обретают своё подлинное «я», о котором подчас даже не подозревают. Автор (Лиза Васильева) бесстрашно исследует самые сокровенные глубины человеческой психики, но делает это не в назидание и не ради того, чтобы шокировать читателя. В каждом из рассказов явственно угадывается подлинное сочувствие автора к своим героям, что придаёт повествованию особую лирическую интонацию. Лиза Васильева - профессиональный, дипломированный психолог, и это не только помогает ей передать в прозе тончайшие нюансы человеческой психики, но и определяет вектор направления рассказываемых историй. Главная цель их – терапевтическая.

© Васильева Л., 2025

© Автор, 2025

## Лиза Васильева

### Весело и страшно

Папа сидит у постели бабушки, она уже полностью не видит на один глаз и слабо отличает очертания силуэтов на другой, не встаёт две недели, и два года как не выходит из дома. Сегодня Пасха и моя рабочая смена, но мы сейчас вместе. Папа читает ей утреннюю газету – своего рода ритуал, означающий, что и в этом бескомпромиссном маршруте остаются ещё нерушимые основы, на которые можно опереться. Ему нужно опереться.

Бабушка снова пытается свести разговор к смерти. Волнуясь, срывающимися нотками пытается воссоздать ранее присущий ей озорной крестьянский напор, бессрочное детское жизнелюбие.

– Поминайте меня огнёвым чаем, либо никаким! – «как она умудряется пить этот кипяток?», – думаю я, сидя в углу на жёстком стуле, скрестив руки на груди.

– Мама, ну, прекрати, ты не умрёшь, не надо про это, не надо! – умоляет папа. Он никогда не терпит подобных разговоров, и сегодня не исключение. Тем более на Пасху.

– Бабушка, почему люди умирают? – спрашиваю я из-за шкафа.

– Чтобы жизнь имела смысл, – без колебания ровным дыханием выдаёт моя мудрая уютная бабушка, в обществе которой всегда ощущаешь себя, как дома.

– Ты... это, поправляйся... Христос Воскрес! – сглотнув комок, стыдливо говорю я, пряча глаза, не веря своим словам.

– Воистину Воскресе! Всё будет хорошо, или очень хорошо!, – бледной тенью звучат в голосе отца знакомые интонации бабушки, как эхо её лучших счастливых дней.

Я впадаю в весеннюю улицу, растекаюсь в ней, вытирая слёзы – напрасно обманулась, что у постели моей всё знающей бабушки наберусь храбрости для следующего тяжёлого разговора.

Меняю курс: за угол на проспект, потом в проулок, каблуки цокают в такт трусливому сердцу, цок-цок, цок, ныряю в арку, цок-цок, и быстро выплываю к центру реабилитации. Меня уже ждут.

Расписываюсь на проходной, цок-цок, по лестнице на третий этаж, поворачиваю к своей приёмной, цок-цок, пальцы нервно вторят каблукам по сумочке. Вот и Полина. Глазами новорожденной впивается в меня, не отпускает, просит.

– Здравствуйте, Полина. Кто у нас сегодня? – я знаю, кто.

– Ждёт уже, – шепчет Полина, – минут двадцать уже. Эта..та.. вдова ....

Вдову зовут Ирина Александровна, и не то, чтобы она вдова, хотя где-то в прошлом непременно в данном статусе отметилась, но сейчас – жертва неудавшегося суицида, так говорят, когда человек после попытки убить себя остаётся жив, потому что сам недостаточно старался, либо был спасён кем-то другим. Я всегда находила формулировку чересчур жестокой, однако среди врачей, пребывающих в этом каждый день, эмоциональное выгорание и циничный юмор – порой единственный способ, чтобы защитить свои сердце и здоровье для того, что если уж не чувствовать, то хотя бы продолжать работать. Но тут суть в том, что Ирина Александровна не столько жертва неудачного суицида, сколько мать, недавно потерявшая ребёнка. Как называется мать, похоронившая своего ребёнка? Наверно, это слово настолько ужасно называлось бы и звучало, что его просто не придумали.

– Вдова ..., – повторяет Полина шёпотом, я выдыхаю и открываю дверь.

– Как Вы сегодня? – мягко и осторожно спрашиваю я, усаживаясь на край кресла. Колени тянут меня в одну сторону, а нос – в другую, как будто бы я себя выжимаю, как полотенце, чтобы сделать реакцию лучше. Но никакой лучшей реакции просто не существует.

– Скажите, зачем Бог забрал моего мальчика? – задаёт Ирина свой оглушительный вопрос, а я, кажется, заваливаюсь на бок и начинаю терять сознание.

«Я должна отвечать?»

Ирина смотрит на меня. Смотрит.

– Я... не знаю, – юбка становится слишком узкой и давит на живот: я вспоминаю о том, что маленький ребёнок, поздний долгожданный ребёнок Ирины, случайно выбежал на проезжую часть с детской площадки, когда та заболталась с другой мамочкой; я вспоминаю, что ответы на любые вопросы обычно даются мне быстро и легко; так было даже на литературе, если я не читала произведение, но бегло перед уроком ознакомилась с кратким содержанием; я вспоминаю, что знаю не одну мать, похоронившую своего ребёнка, но я не знаю, зачем Бог их забирает.

– Не знаю, – добавляю я, выравнивая дыхание, как бабушка.

Глаза Ирины наливаются яростью, её, конечно, не устраивает мой ответ. А какой бы устроил?

– Думаете... мне нужен ваш Бог? Думаете, мне нужен ответ? Вы все тут ничего не можете! Ни-че-го! Ходите и вежливо улыбаетесь – а глаза пустые! Холодные! Думаете, я просила спасти меня? Зачем мне жить теперь? Зачем мне жить под вашим Богом?

– Порой нам нужно на что-то опереться, чтобы...

Чтобы суметь простить себя.

Глаза Ирины, как большие стёкла, через которые с улицы можно только догадываться о том, что происходит дома, наконец, взрываются, и всё скопившееся, как наводнение после прорыва дамбы, летит на меня в неизбежном потоке облегчения.

Я нашла слова.

Выхожу из ребцентра имени Святого Серафима позднее обычного. Уже стемнело. Нужно успеть на последнее метро. Цок-цок. Ускоряю шаг в арку, чтобы срезать путь. Потом нужно пройти по узкой тёмной улочке, чтобы точно не опоздать, цок-цок. Как же темно. Цок-цок. Зачем я сюда потащилась! Могла же по проспекту! Цок-цок! Могла же взять такси! Цок-цок. Слышу движение сзади, оборачиваюсь....

\*\*\*

Мы все умрём. Рано или поздно, нечестно или достойно, легко или болезненно, медленно или быстро, но точно бескомпромиссно. Нужно ли думать об этом? Я думаю, нужно. В бешеном потоке, в неутолимой жадности подчинить себе время, мы не замечаем, как встаём в зависимость от него. Время пожирает наши дни подменой понятий, ценностей, приоритетов и истинных детских желаний. Порой «управлять временем» – значит позволить себе замедлиться адекватно контексту настоящего момента. Перестать гнать. Перестать тревожиться о смерти, которая неминуемо придёт. И ведь ты – счастливчик, если до последнего не знаешь, как и когда, не так ли?....

\*\*\*

Оборачиваюсь и вижу Степана, охранника, гнавшегося за мной от самого выхода.

– Вы перчатку обронули, Елена Николаевна! Еле успел за Вами, – отчего-то залился юношеским смущением тридцатисемилетний Степан, – Вас до метро проводить? Поздно ведь уже... Темно. Вот, – протягивает руку в локте, – обопритесь на меня. У Вас такие каблуки...

– Ну, проводите, – вежливо разрешаю я, опираясь на охранника всей тяжестью сегодняшнего дня, а внутри разливается, как тёплая пасхальная глазурь, тот самый детский позабытый восторг: я знаю, что обязательно умру.

Но не сегодня.

#психоэзия

## Я ПРОПАЛА В ЛЕСУ ЗА ДОМОМ

30 мая 2001

Каждое лето я уезжаю к бабушке с дедушкой, чтобы мама могла отдохнуть от меня и от папы. Я, в общем-то, тоже не против отдохнуть от неё, но меня никто не спрашивает. В этом году мне исполнилось десять. Я выторговала у родителей новую ослепительную машину для Барби с помощью пятёрок по всем предметам, поэтому возьму её с собой. Хочу завоевать всех подружек во дворе у дома бабушки. А там, между прочим, целых четыре подъезда! Нам будет так весело! Точно будет!

10 июня 2001

Бабушка целыми днями на огороде, а дедушка считает деньги. Ужасно скучно.

Иногда приезжает папа. Он сначала весел, потом плачет. От него пахнет вином, он спит на Бабушкиной кровати, а она плачет где-нибудь в коридоре. Я слушаю её во всём, потому что жалею. Она никогда не даёт целовать себя. Стесняется своей старости.

11 июня 2001

Дедушка говорит, что если бы не он, то меня бы не было на свете, и папы бы моего тоже не было. Уверяет, что я должна любить его больше всех остальных. Я сомневаюсь. Он же такой старый, ему 53. Или 55? Папа лучше всех.

12 июня 2001

Вчера вечером приехала Нина! Я так счастлива! Родители забрали её из лагеря до окончания смены, потому что она хотела встретиться со мной!

Только лишь обнялись. Жду завтрашний день!

14 июня 2001

Нина не вышла гулять, я рыдала весь вчерашний день от обиды. Потом пошла в лес искать маньяка, посмотревшись с дедушкой венесуэльского сериала про жену Иуды. Там убийца надевал свадебное платье и скрывал лицо фатой, был весь в крови. Дедушка сказал, что маньяк живёт в лесу, и если я туда пойду, то он меня убьёт. Я не поняла, кто меня должен убить: маньяк или дедушка? Но пошла в лес, чтобы проверить.

15 июня 2001

Если честно, я не ходила в лес, потому что испугалась и только постояла около него. Потом всё же немного осмелела. Шаркнула одной ногой, как будто пальцем сдвинула капельку пота со лба в гущу волос, и тут же убежала. Сердце стучало, как бабушка молотком по мясу.

16 июня 2001

Стучала в дверь к Нине, отбила руку. Нужно было рассказать ей про убийцу в лесу, который мне приснился. Открыл дверь огромный папа Нины и сказал, что она болеет. Я сделала глаза больше. Обычно они помогают, и мама не сердится. Папа Нины тоже сдался и пустил меня. Как бедно они живут! Мне стало стыдно.

20 июня 2001

Гуляем с Ниной целыми днями, пока бабушка не начнет ругаться. Звонила мама и сказала, что соскучилась. Странно.

25 июня 2001

Мы солили огурцы около подъезда в палисаднике вместе с Ниной и другими девчонками. Вместо огурцов были лопухи, осока и щавель. У Оли в банке завелись улитки. У меня получалось хуже всех, поэтому я расцарапала себе руку о бетонный выступ и заплакала, чтобы они пожалели меня и отвлеклись. Прибежали и мальчики, которые сидели у соседнего подъезда. Я предложила пойти в лес завтра.

26 июня 2001

В лесу ничего интересного! Огорчение! В моих снах было намного лучше! Страшнее! Что же нам делать целое лето!

27 июня 2001

Открыла список литературы на лето и быстро закрыла. Злость охватила меня. Хочу свои истории, а не чужие! Сколько можно уже читать! Внутри меня чужие слова, а надо чтоб свои! Новые! Быстро закончила английский и немецкий, математику вообще можно не смотреть – легкотня. Вот бы почитать дневник Нины, который она всё время прячет. Странная она. Приехала ради меня и ничего не рассказывает.

28 июня 2001

Сидели с Ниной во дворе и придумывали план побега ночью. Я откопала в кладовке две белых наволочки, которые нужно будет для леса надеть на голову. Точно было непонятно, что мы решили: стеречь маньяка или пугать людей.

29 июня 2001

Ваня рвал цветы у моей бабушки в палисаднике и забрасывал мне на балкон, звал погулять и глупо улыбался. Ему уже 12 лет, он такой крутой и красивый. Нина влюбилась в него раньше меня. Я не могу потерять её, ведь нам нужно идти в лес искать маньяка. Я натравила на Ваню бабушку, рассказав, что он испортил её цветы.

1 июля 2001

Приехала мама и сорвала нам операцию по поискам маньяка. Она передвинула всю мебель в квартире, заставила папу и дедушку помогать убираться, а бабушку сидеть и смотреть. Никому не нравилось это, даже бабушке, которая не умела просто сидеть. А дедушка не держал в руках ничего тяжелее денег – мама так говорила. Но сегодня она исправила это. Дедушка кряхтел и говорил матные слова себе под нос, бабушка плакала от стыда, а я делала вид, что вытираю пыль с подоконника. Во дворе прыгала через скакалку Нина, рядом на лавочке сидели Оля и Ваня. Нина махала своими черными волосами так же задорно, как мама тряпкой в соседней комнате. Ваня смотрел на Нину и улыбался. Вот ещё не хватало!

3 июля 2001

Мама уехала, наконец, а Нина и Ваня сказали, что не хотят идти в лес! Ненавижу всех!

4 июля 2001

Вот умру, и пусть знают!

5 июля 2001

Нет уж, лучше пусть они умрут. По очереди. Я остригла себе длинные русые волосы у зеркала, разделив их на две части, на прямой рядок. Получилось ровно и красиво. Мама будет в бешенстве.

8 июля 2001

Папа приехал поздно в воскресенье и сразу лёг спать на бабушкину кровать, не заметил мою новую причёску. Дедушка смотрит те же новости, что и днём, бабушка шумит на кухне. Надо идти сейчас!

9 июля 2001

Ох, вчера и было! Некогда писать, ухожу.

13 июля 2001

Уже которую ночь мы с Ниной, Олей, Ваней и Вовой убегаем в лес. Я заставляю всех надевать белые наволочки на голову, чтобы мы могли видеть друг друга в темноте. Да и потом Вова слишком рыжий и заметный! Хотя в белых простынях мы тоже заметные, но между собой не понимаем, кто есть кто.

Гоняемся друг за другом, ловим , орём, пугаем алкашей.

15 июля 2001

Главная задача – незаметно пробраться утром домой. Это сложно, бабушка рано встаёт. Приходится оставлять на ночь дверь открытой, хотя они никогда её не закрывают. Зато я раньше закрывала и проверяла по десять раз. Вот и приехали.

16 июля 2001

Жарко. Настроение отличное. Друзья ждут моих идей внизу.

18 июля 2001

Вчера сидели с Ниной на лавочке у дома и обсуждали следующий ночной побег. Со второго этажа из открытого окна было отлично слышно, как громко смеялись её родители, она на радостях спросила:

«Мам, пап, вы чего там так ржёте, как лошади?»

После этого папа Нины позвал её зайти домой. Потом я услышала, как он кричит на неё, и сердце моё сжалось в неизвестной до сих пор тревоге.

Я пошла на второй этаж и стояла за дверью с самыми большими глазами, которые только были в моей жизни. Нина плакала, а я слышала свист воздуха и удары ремня, и иногда доносилось «чтоб ещё раз» или «проси прощения». Мама Нины не издала ни звука за всё показательное выступление, а Нина, сквозь слёзы умоляла «простите меня, пожалуйста». Затем я услышала, как папа Нины разрешил ей пойти ко мне вниз. Я резко выбежала на улицу, не зная, как дальше себя вести. Меня же никогда не били. Как же стыдно. Вышла Нина с красным от

слёз лицом и с красными подтёками и ссадинами с задней стороны ног. Она сделала вид, что ничего не случилось, и я тоже сделала вид, что верю в это.

25 июля 2001

Вчера в лесу случилось странное. Нина увидела пьющих мужиков в лесу, расплакалась и убежала. Я побежала за ней, но ударилась об пенёк и упала, разбив коленку. Мальчиков и след простыл.

26 июля 2001

Пришла к Нине за объяснениями. Вместо извинений она накричала на меня. Сказала, что вообще не из-за меня вернулась, и чтобы я шла подальше. Я ощутила себя помойным ведром.

27 июля 2001

Думаю, Нина врёт. Не может быть, чтобы она не хотела со мной дружить. Они тут без меня со скуки умрут! Надо понять, что она скрывает.

28 июля 2001

Следила за Ниной и Ваней. Они ходили в лес без меня. Предатели. Ничего, я ещё их напугаю.

29 июля 2001

Бабушка сказала, что никогда не любила деда. Что в те времена женихов приличных было мало, брали тех, что были, а этот ещё и деловик-затейник. Всё было у них, а у других нет. Вспомнила несчастную семью Нины. Я не проронила ни слезинки, потому что до сих пор зла на неё. Хотя уже меньше, потому что мне скучно.

30 июля 2001

Приехала мама и начала всех шпынять и кошмарить. Меня за причёску, папу за нетрезвый вид, а бабушку за то, что себя не бережёт. Я сама показала ей причёску, чтобы папе досталось меньше, но, кажется, не помогло. Она только ещё больше разозлилась. Скорее бы уехала. Дед вообще удрал со страху в гости, не дождавшись её.

31 июля 2001

Вчера вечером пришла Нина. Просто позвонила в дверь сразу после того, как мои перестали скандалить. Видимо, теперь она меня простит, раз мы на одном уровне.

1 августа 2001

Я спросила у мамы по телефону, любила ли она папу когда-нибудь. Она ответила, что ей было не до этого, и вообще кто меня надоумил на такие глупые вопросы.

2 августа 2001

Интересно, я умею любить?

3 августа 2001

Думала весь день. Ходила по огороду кругами, к вечеру бегала от комаров. Больше не пойду туда. Ад какой-то. Сказала бабушке, пусть они деревенские сами там работают, а я, городская, и не буду. Дед обиделся на «деревню», ведь у них посёлок городского типа. Мне приятно его обижать иногда, ведь он обижает бабушку, а она совсем себя не бережёт.

4 августа 2001

В лесу стало совсем скучно. Взрослые стали замечать и догадываться, ведь мы постоянно хотим спать и спим днём. Нина сказала, что не боится отца, она боится, что он убьёт её маму. Поэтому она и вернулась из лагеря раньше. Но теперь я её подруга. Наверно, потому что порой тоже беру удар на себя, правда, совсем другой.

8 августа 2001

Ваня предложил бросать камни в алкашей в лесу, чтобы нам было не так скучно. Нина подхватила идею, убеждала меня, что сквозь ветки в темноте будет совсем непонятно, откуда эти камни летят. Они ужасны, эти деревенские жестокие люди. Я представила, что папа может быть среди тех мужиков, и меня затошнило. Нина сказала, что легко смогла бы оставить своего отца в лесу. Вечером у меня поднялась температура, я плакала и просила папу больше никогда не пить. Он обещал.

12 августа 2001

Мама опять зачем-то приехала, а я все болела и болела. Зато папа сидел рядом со мной все эти дни, не ходил на работу и не пил. Возможно, я специально?

13 августа 2001

Дедушка сказал, что в лесу за домом нашли труп маленькой девочки. Мама и папа стали ругаться на него, но строго-настрого запретили мне ходить в лес. Хотя они даже понятия не имеют, сколько раз я там была.

14 августа 2001

Наконец, я поговорила с Ниной! Оказалось, что в лесу, действительно, кого-то нашли, но вроде бы какого-то алкаша. Зачем дед пугал меня? Может, я в него такая? Непременно нужно пойти в лес и проверить всё самим.

15 августа 2001

Шли только втроём. Я, Нина и Ваня. В лесу нам стало так страшно, что мы потеряли друг друга.

Оля и Вова отказались наотрез ходить туда после слухов про маньяка, которые я сама и распустила.

Я прибежала одна и закрыла дверь на все замки, уснула мгновенно.

16 августа 2001

Пришёл Ваня, долго звонил в дверь. Бабушка с утра на огороде, дедушка в магазине, а папа на работе. Ваня сказал, что так испугался за меня, потому что Нины дома нет. Никто не открывает. Я разозлилась, что он звонил ей первой, и выгнала его.

17 августа 2001

У Нины в квартире тишина, а ведь она живёт напротив, и я бы слышала, если бы это было не так. Я не видела её с самого леса. Неужели её убили? Может, Ваня её убил? Камнем, например... А может, отец Нины разозлился из-за её побега в лес, убил её и её маму? А потом сбежал? А, может, Ваня с Ниной убили пьяного отца Нины, а потом Нина с мамой со страхом сбежали, а Ваня пришёл за мной?!...!

18 августа 2001

Их до сих пор нет. Я боюсь. Взрослые не слушают меня. Говорят: «уехали, наверно». Но ведь она бы мне сказала? Нина – моя подруга.

19 августа 2001

Мне уже десять лет, а я до сих пор не знаю, что хуже: бояться своего отца, что убьёт, или бояться за своего отца, что его найдут где-нибудь однажды...

20 августа 2002

Завтра я пойду в лес и сама всё проверю.

22 августа 2002

—

23 августа 2003

### ВЕСЕЛО И СТРАШНО (дневник Нины)

*У волка ночь, герою – меч, за горами – Волга. Холод за спиной...*

*Никого не жалко, не найти друг друга, не уйти надолго. День как день, ночь как ночь.*

(АукцЫон, "седьмой")

Если спросите о детстве, то я отвечу: весело и страшно. Это сейчас мы живём в мире неоткрытых сообщений, работа-домных настроений и в соцсетях тех, кто даже не подозревает о нашем существовании. А близких, тех, кто за нас болеет, гоним куда подальше от страха их разочаровать. От страха, что они уйдут, когда поймут, кто мы есть на самом деле. Они уйдут, а мы останемся. Мы живём в полной уверенности, что ни черта не можем и не значим, мы ненавидим всех, кого удобно ненавидеть, чтоб оправдать собственную лень. Мы жалеем себя за слабость и разрешаем себе её, чтобы был повод объедаться по вечерам в кровати. Мы выгоняем из кровати наших любовников, не успевая построить с ними семью, потому что всё успевать сложнее, а надо – проще. И нам кажется, что чем проще, тем безопаснее. Но мы – первые, кто обдирает себя до нитки, не оставляя ни надежд, ни веры в себя, ничего святого. А ведь когда-то давно в детстве, (помните?), мы же абсолютно всё могли, хотя даже не подозревали об этом, а теперь забыли.

Сегодня же я как обычно ехала на работу на своём чёрном монстре, успевая на жёлтые светофоры, срезая дворами, сигналижая менее расторопным водителям, кричала никуда не спешим (в рабочее-то время!) пешеходам, чтобы посторонились, слышала в ответ укоризненный мат, довольно ухмылялась в зеркало заднего вида, запивая своё превосходство горячим американо, обожгла губу, выругалась, и только потом услышала телефон.

Нотариус не церемонился, зачитав мне завещание покойного отца, которого я не видела сколько? Пожалуй, лет сто. Я резко дала по тормозам Хаммера прямо на проезжей части у остановки недалеко от Коломенской набережной, где я жила теперь, кофе вылился мне на колени, так что я завопила в трубку.

– Нина Сергеевна? эээ...Извините, но это моя работа.

– Да, всё в порядке, не суетись! – осадил я, даже больше себя, чем его.

Жара в Москве стояла такая, что я бы промокла и без кофе, только выйдя на улицу.

– Сколько у меня времени? – продолжила я, сама перестав суетиться.

– Вступить в права наследства можно только через полгода. Но, однако, заявить о себе лучше уже сейчас, если вы, конечно, на что-то претендуете.

– Мне кажется, у него долгов должно быть больше, чем стоит его халупа со всем добром.

– Понимаю Ваш скепсис, Нина Сергеевна, однако же на деле это не совсем так. Предлагаю всё же встретиться и обговорить детали.

– Мне что, надо ехать в эту дыру? Это обязательно?

– Боюсь, что так, Нина Сергеевна, но если бы Вы, например...

– Буду через 4 часа, – рывкнула я и бросила трубку.

Я снова села за руль и оглядела своё лицо. Просто кошмар. Тушь растеклась, рожа отёкшая, уже видать седые корни, а в сочетании с чёрными волосами смотрится просто как лысина – снова пора к мастеру и срочно. Но некогда, некогда! Теперь ещё и это. Нотариус. Чёрт бы его побрал! Джинсы залила! Что делать? Домой? Как же противно. Но некогда, некогда! Пришлось стащить с себя джинсы прямо на водительском кресле и бросить их на соседнее, сушиться. Было очень неудобно, и в какой-то момент я упёрлась увесистой грудью и голым плотным животом прямо на руль. Хаммер взвыл в истошном гудке. Мимо шли две девочки лет одиннадцати и захихикали, что-то комментируя друг другу. Я рывкнула:

– Что вылупилась, мелочь белобрысая? Щас как дам пендаля! Брысь отсюда, ну!

Девчонки резко переменились в лице и побежали прочь, а меня как будто ударило током. Мелочь белобрысая... Что же это, что-то знакомое. Точно, Аврора, принцесса каприза. Я закатила глаза, вспоминая эту маленькую приставучую пигалицу, которая приезжала на лето к своей бабке, божьему одувану, в ту же дыру, где я провела своё детство, пока в один прекрасный день отец не выставил нас с матерью на улицу, затем, конечно, продолжил разлагаться морально, а теперь вот, стало быть, помер.

Я гнала свой Хаммер по трассе под 150, включив на полную громкость новый альбом АукцѼна, чтобы не слышать мыслей и внутренний тревожный голос инстинкта самосохранения. Сколько я не была там с тех пор? Не помню. В голове перемешались даты, события и имена. Какие-то вещи мозг стирает из памяти, защищая тебя. Какие-то воспоминания мозг заменяет на более безопасные, чтобы у тебя просто не поехала крыша. Я это отлично знала, как и то, что копаться в прошлом не имела никакого желания.

"Сколько мне лет? Так, вроде бы 37, будет 38. Уже хорошо. Так, ты, Нина, директор офиса продаж в серьёзной фирме и продаёшь бетон взрослым дядям, которые в 90-ые в этот бетон людей закатывали, пока ты к горшку не могла привыкнуть. А теперь они имеют с тобой дело и разговаривают, как с большой. Никому и в голову не придёт унижать тебя, бить тебя или оскорблять. Никто ничего не поймёт, даже если заглянет тебе в глаза. Он больше никогда ничего тебе не сделает... А теперь... тем более".

Завидев на дороге у железных путей один пришибленный магазинчик, к настоящему моменту больше напоминающий сарай, но ещё функционирующий и торгующий всем подряд, я остановилась, чтобы купить воды. Руки тряслись и не слушались. Неужели это происходило со мной, и я сюда вернулась. С нотариусом договорились встретиться прямо здесь, чтобы он отдал документы и ключи. Я мысленно усмехнулась: "Ну, а где ещё?". Магазин, "железка" с поездами и лес образовывали тот самый бермудский треугольник безысходности, из которого бежать совершенно некуда.

– Как он умер? – всё же спросила я напоследок.

Нотариус казался растерянным и смущённым, не понимая, что я чувствую, чтобы правильно донести мне ракурс этой правды, поправил очки на носу и произнёс:

– Так это... в угаре пьяном, говорят. Со слов соседей он буянил всю ночь, ходил, стучал ко всем, видимо, искал компанию. Никто не открыл. А потом фиксировали, что он громко какую-то передачу смотрел и смеялся тоже громко. И, выходит... подавился, а никого рядом не оказалось, чтоб, ну... постучать по спине-то.

– Весело и страшно значит. Что ж...

Я попрощалась сухо и двинулась к дому пешком, оставив шокированного очкарика позади.

В квартире кто-то прибрал. Я благодарила мысленно сердобольных соседей, которые сделали это, потому что, как у них тогда говорили? "От стыда!" Ну, хотя бы от стыда сгребли весь мусор, бутылки и открыли окна для проветривания, чтобы я не упала в обморок, когда переступлю порог. Но и это однозначно не помогло, чтобы нельзя было не заметить, во что превратилась квартира за эти годы. Мы никогда не жили богато, даже, пожалуй, бедно, хотя теперь я понимала, что любая бедность, как и богатство, относительны. "Хорошо, что мама этого не видит, – подумала я, – И не скажу ей никогда, что была здесь. Она, наконец, смогла построить свою жизнь. А он подавился бухой и никого не было рядом. Впрочем, жизнь порой чертовски логична в выводах".

Делать в квартире было абсолютно нечего, разве что выпить, и надо признаться, бутылку хорошей водки и холодную закуску я с собой предварительно прихватила. Но было трудно смириться с мыслью о ночёвке здесь. Я договорилась с местным риелтором, чтобы тот неспеша выставил на продажу эту халупу и в течение полгода снижал бы цену, пока я не вступлю в права наследства. Также нужно было бы заказать машину и вывезти всю старую мебель и вещи на свалку, и со спокойной душой поехать надираться в отель. Я уже собиралась сделать всё по плану, как увидела белый мерседес s-класса, паркующийся возле нашего облезлого одинокого дома, стоящего возле леса и огородов. Любопытство взяло верх, и я прилипла к окну. Сначала из машины вышел высокий светловолосый мужчина, который открыл заднюю дверь и оттуда высыпали трое белобрых детей разных возрастов от 7 до 12 лет. Меня заштормило, закружилась голова от вида средней девочки, которая так сильно... так сильно была похожа на Аврору. Я не дождалась, не смогла, когда блондин откроет переднюю дверь, а села на корточки у батареи и судорожно затряслась. Память начала возвращаться яркими вспышками, как салют, мучать воспоминаниями и исчезать снова. "Невыносимо! Не могу! Что же ты натворила, Нина! А-а-а-а!" Нужно было срочно что-то предпринять, и я открыла бутылку водки, залив в себя сразу из горла и не закусывая.

Прошло где-то полчаса и половина бутылки, прежде чем я резко вскочила с пола, хрустнув больными коленными суставами, вспомнив о том, что пора возвращаться в зал на тренировки и сбросить вес.

– Где этот грёбаный дневник! – заорала я, переворачивая очередной ящик.

Колени тряслись, назад пути не было, нужно было точно всё узнать. Узнать, что тогда случилось. Как далеко мы зашли. Но ведь отец мог просто выкинуть все наши вещи. Дневник я тогда не забирала, потому что он выгнал нас неожиданно, когда поймал очередную белку, а я ведь прятала его всегда...

ТОЧНО!!! Глаза рефлекторно упали на антресоль – туда бы он точно не полез. Там, наверно, летучие мыши завелись за эти года.

Я встала на хлипкий табурет и, шатаясь, потянулась вверх.

Карты мира, старые тряпки, пустые банки, вот же он! Я резко дёрнула рукой вперёд, не удержалась и рухнула на пол, взыв от удара и матерясь. Хорошо хоть на бок. Боль пронзила левое плечо и бедро, но я приказала себе вслух:

"А, ну, лезь обратно, тупая скотина!"

Ровно теми же словами, что отец убедил меня взять себя в руки и подняться, когда я провалилась в погреб в 5 лет и заплакала от страха.

Через пару минут дневник лежал передо мной и я, сжав остатки воли в кулак, намеревалась его открыть и найти нужные даты.

## ДНЕВНИК НИНЫ МАЛЕЦ , 7 Б

1 июня 2001

Уезжаю в лагерь. Как же мамочка без меня? Если он обидит её, я его убью. Зарежу, как тупую скотину.

5 июня 2001

Мама не отвечает. Я соврала, что температура. Легла в приёмном покое, чтобы в любой момент можно было звонить домой.

6 июня 2001

Мама не отвечает. Мама!!! Господи, если ты есть, помоги.

10 июня 2001

Пришлось разбить себе голову об стену в палате. Они не верили в мою болезнь! Тупые! Зато позвонили отцу. Сказали, что меня, дрянь, придет забирать отец, и чтоб духу моего больше не было в их лагере никогда. Что лагерь для здоровых детей, а не для душевнобольных.

12 июня 2001

Да пожалуйста! Подавитесь.

13 июня 2001

Вчера боялась, что отец придет один и по дороге убьёт меня за то, что я его опозорила. Ему устроили выговор. Но мама приехала с ним. Он дал мне только подзатыльник. Гигантский бритый урод. Сказал, что ещё год, и отправит меня в тюрьму для малолетних преступников. Значит пока мне 13, я могу его убить, и мне ничего не будет.

14 июня 2001

Отец запер меня дома. Типа наказал. Как же я его ненавижу. Я бы попробовала выпрыгнуть со второго этажа, но мама расстроится.

15 июня 2001

Читаю всё подряд. Нашла и журналы, что прятал отец под кроватью. Он увидел и избил меня.

16 июня 2001

К нам целый час стучалась психованная белобрысая мелочь из соседней квартиры. Я думала, их затопили, или умер кто! Ну и дура! Отец пустил её ко мне. Типа смягчил наказание. А по-моему решил продолжить мучать! Этой девчонке лет 10, я что, должна с ней дружить? Что за бред?

18 июня 2001

Гуляем с мелкой, я говорю ей, что раз её отправили на лето в такую дыру, то родители её не любят. Она верит, плачет, такая дура, Господи.

21 июня 2001

У меня теперь есть настоящий парень. Его зовут Ваня, и ему 12. Да, дневник, младше меня на год. Но это ничего, мы почти уже взрослые. Но я тебе, дневник, не расскажу почему, иначе если отец найдёт, то точно меня убьёт.

26 июня 2001

Мелочь всех достала и потащила в лес искать каких-то привидений. Ныла и ныла, Ваня сказал, что проще согласиться. Он такой умный, высокий. Немного похож на папу, но в хорошем смысле. Точно в хорошем!

27 июня 2001

Родители поругались сильно. Папа орал и ревновал маму. А что ей делать, если работа такая? По электричкам билеты проверять! Сам бы попробовал поздно вечером! Страшно! Его опять уволили за пьянку и мордобой. Ненавижу. Вот бы жить без него. Но нам негде больше жить. Мама сказала, надо терпеть.

28 июня 2001

Отец последнее время бухает в лесу с другими алкашами. Совсем сопьётся, мама говорит. Может под утро прийти. Мелочь дала мне наволочку, чтобы пойти ночью напугать их. Хоть одна путная идея от неё. Хочу разведать обстановку, с кем он водится. Пригодится.

29 июня 2001

Эта белобрысая пигалица совсем попутала!!! Решила у меня парня отбить. Ей не жить! Видела, как Ваня кидал ей цветы на балкон, а она хохотала, как будто взрослая. Я ей покажу, взрослая!

30 июня 2001

Мы гуляли с Ваней, Аврора опять потащила за нами. Как же она меня раздражает! Я сказала ей, чтобы шла домой, а то ударю. Она расплакалась и убежала. День покоя, ну надо же!

1 июля 2001

Обсуждали с ребятами, ржали, как можно пошутить над мелочью, которая верит в привидения. Ваня заступался за неё! Это она во всём виновата! Влюбила его в себя! Типа такая наивная, а на самом деле наглая и хитрая! Лучше пусть не бесит меня. Не знаю, что могу сделать...

4 июля 2001

Договорились с Ваней просто игнорировать Аву. Не разговаривали с ней, ходили мимо, а она сидела на лавке и смотрела молча. Возможно, плакала, мне пофиг.

6 июля 2001

Видела маму с дедом Авроры в лесу рядом с деревом... Как же противно. Он шевелил над ней усами, как Паратов над Ларисой. Если папа узнает, ей не жить.

7 июля 2001

Буду каждый день караулить вход в лес и спалю их. Посмотрим, что скажет этот старый козёл. Мама с ним из-за денег. Потому что их нет к нас. Он же тут самый главный мажор. Несколько магазинов у него за "железкой". Самая большая квартира в нашем доме и глаза чёрные, как у демона.

Это папа виноват, что маме приходится делать это.... Он один во всём виноват.

9 июля 2001

Вчера видела, как белобрысая мелочь почесала в лес, на ночь глядя, одна. Может, она тоже про деда просекла? Но я почему-то испугалась за неё и схватила за рукав, не пустила. Обещала, что пойдём вместе завтра. Потому что завтра мама не сможет быть в лесу из-за работы и будет уставшей.

13 июля 2001

Бегаем в лесу, как придурки, по ночам. Я на полном ходу врезалась в пьяного отца в лесу, а он меня не узнал, потому что мы все в белых простынях и наволочках на головах! В темноте и по пьяни не разобрать. В селе у нас стали появляться слухи про банду в белом. Хотя мы никого не грабили. Да что с них взять-то!?

18 июля 2001

Ненавижу этого урода! Пусть сдохнет! Мать его защищает, предательница! Слабачка и терпила! Он опять меня избил, Мелочь всё слышала. Лучше пусть не попадается мне на глаза, а то и ей прилетит!

25 июля 2001

Вчера в лесу снова увидела маму. Но уже с другим мужиком. Хочу сдохнуть. Убежала из леса, чтоб никто не видел, что я плачу, так мелкая побежала за мной. Я спряталась за дерево и подставила палку, чтоб она споткнулась. Ава упала и разодрала колени. Так ей и надо! пусть не лезет ко мне!

26 июля 2001

ДА КОГДА УЖЕ ДО НЕЁ ДОЙДЁТ! Белобрысая идиотка опять припёрлась ко мне домой и доставала вопросами и своей дурацкой дружбой. Наорала на неё и толкнула, чтоб вытурить из квартиры. Она грохнулась и ударилась о лестницу.

27 июля 2001

Нет у меня никаких друзей! Никого не люблю! И меня никто не может любить. Все только врут. И обещают.

29 июля 2001

Ходили в лес с Ваней, чтобы отомстить моей маме. Пусть знает теперь. Я такая же, как она.

30 июля 2001

Оказывается, у белобрысой тоже семейка чокнутая. Жаль её. Слышала, как она плакала и просила маму не кричать, а отец издавал какие-то странные звуки, то ли выл, то ли рычал.

1 августа 2001

Мама с папой говорили о любви за завтраком. Меня чуть не вырвало. Мерзкие и лживые оба. Никогда никому не скажу про любовь, даже Ване. Да и он странно себя ведёт после того нашего похода в лес. Как будто больше не хочет быть моим парнем. Да и пофиг на него.

4 августа 2001

Буду с белобрысой дружить. Ха-ха-ха. Можем с ней в дочки-матери играть. Или в игру: твой отец алкаш и мой отец алкаш. Поэтому она должна понять, как важно уметь держать удар и всегда ждать худшего. Чтоб быть готовой.

8 августа 2001

Стало скучно. Хотелось сделать что-нибудь этакое. Ваня предложил ночью попробовать подбить какого-нибудь алкаша, как будто кеглю в боулинге. Сбить с ног. Возможно, и стало бы чуть веселее, если бы мелкая не начала канючить и не убежала.

9 августа 2001

Дневник, я не знаю, рассказывать или нет. Меня трясёт.

10 августа 2001

Ночью видела в лесу, как отец подрался с тем мужиком, с которым я видела маму. Сначала они пили, а потом отец проломил ему голову камнем. Мой отец почти вдвое больше того несчастного алкаша, просто чудовище, я боюсь его!!!

12 августа 2001

Все кому не лень обсуждают труп того мужика в лесу. Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, видел Ваня или нет, он же был в лесу со мной в ту ночь. Боюсь с ним говорить. Вдруг не видел? Но если видел, то знает, что и я знаю. Что тогда?

13 августа 2001

Отец в запое, не просыхая. Почти не выходит из дома. Боюсь, что сам сдаст себя. И меня заодно, ведь я же всё видела!!!

14 августа 2001

Мелкая задаёт вопросы. Кажется, они с Ваней в сговоре, и хотят посадить и меня, и отца...

15 августа 2001

В лесу я снова увидела мать с этим усатым пердуном, дедом Авроры. Заорала со всей силы, чтоб испугать всех, и этих лгунов в первую очередь! И удалось! Дед очень странно на меня зыркнул, как будто увидел привидение, даже упал в мокрую траву в своём дорожном бежевом плаще. Убегал, кутался уже в грязный. Мать села на землю и зарыдала. От стыда, наверное. Она такая маленькая и хрупкая. А я возьми ей и расскажи, что знаю. Отец – убийца. Он замочил её любовника. И деда этого замочит, когда протрезвеет. И её непременно замочит. И меня. Мама сказала, что нам нужно бежать.

16 августа 2001

Мы прячемся в отеле за "железкой". Там хоть какое-то подобие города и подальше от неадекватного папаши. Дед Авы платит. Мать прокралась домой и забрала самые важные вещи для побега. Но отец почти не замечал её. Видимо, поймал белку.

18 августа 2001

Я много раз спрашивала маму, почему мы никак не уедем. Она плакала и сказала мне, что мой настоящий отец – не мой настоящий отец. А на самом деле – это дед Авы, этой белобрысой пигалицы. Сейчас она зависит от его денег и решений. Но он всегда был женат и от стыда не взял бы её. Но сам же познакомил с соседом, пока мама была беременна. Заботился? Нет – держал к себе ближе. Эгоист и демон. А папа нас принял. Папа всё знал. Поэтому так ненавидел меня, выходит... Ну, ещё бы. Я бы тоже ненавидела.

19 августа 2001

Мелкой белобрысой пигалице достались все деньги этого старика. И она вырастет такой же избалованной, будто ей всё можно! Ей всегда лучше жилось, чем мне! Как же я её ненавижу! Нам придётся уехать в какую-то другую глушь, где у усатого демона есть квартира по наследству. А Аврора продолжит свою пафосную жизнь, будет ходить в хорошую школу, потом получит отличное образование, может, даже уедет за границу. А я так и буду жить в глуши и в нищете. Хочу убить её. Глаза ей выколоть, чтобы не хлопала ими больше на меня.

20 августа 2001

Завтра прослежу за ней и сделаю это.

Нужно было перевернуть страницу на 21 августа, но я в ужасе захлопнула дневник. Неужели это я писала? Господи милостивый... Я села на пол, обхватив ноги, стала раскачиваться и вспоминать единственную молитву, которую знала. Теперь я всё вспомнила. Вспомнила, как взяла с собой отцовскую отвёртку. Вспомнила, как караулила Аврору, спрятавшись в палисаднике у подъезда, и затоптала к чёртовой матери шиповник её святой сердобольной бабки. В глубине души я знала, что Ава тут не при чём. Кто угодно, только не она. Но разве я смогла бы одолеть деда? Не такой уж он и старый, надо признать. Или отца?.. Он бы прибил меня, если б я полезла на него с отвёрткой выкалывать глаза. Наказать кого-то надо было. Не маму же... Она такая хрупкая и несчастная, похожа на героиню Одри Хэпберн, мечтавшую жить красиво.

И не важно, кто мой отец, я – просто животное. Я сама в ответе за мои грехи. Аврора сейчас, возможно, полностью слепая, или видит, но плохо? Но её даже незрячей взяли в жёны и катают на мерседесе. Она родила троих детей, а мне пришлось землю жрать и добиваться всего самой. И никому не нужна. И не буду нужна. Я точно не помнила, что тогда случилось, но была почти уверена. Психика, защищаясь, стёрла все ненужные данные, чтобы не сломаться. Стоило только открыть дневник и дочитать, но я сидела, обняв ноги, пока не зазвонили в дверь. И не просто зазвонили, а застучали с такой силой, без перерыва, будто потоп случился. Так Ава стучала, когда хотела меня видеть... Воспоминание вызвало улыбку. Стоп, что?!

Я бросилась к двери, пошатываясь от выпитого и сбивая косяки, и расхлебывала её, не посмотрев в глазок. На пороге стояла Аврора, повзрослевшая, холёная и такая красивая, как в кино! С причёской, как у Мэрилин Монро! И такая... глазастая! Как в детстве, наглая и наивная одновременно.

– Нинка! – заверещала белобрысая, – Нинка!!! Это ты!! Это, действительно, ты! Как я счастлива! Не верю своим глазам!

В них стояли слёзы.

Я пыталась что-то сказать, но слова никак не хотели рождаться и застряли внутри.

– Я так тебя искала! Мужа просила, а он адвокат, между прочим! Ты замужем?

Я отрицательно помотала головой, а она продолжала верещать, как безумный какаду, которого я заводила однажды, но он так сильно довёл меня своей активностью и дружелюбием, что я сдала его в зоопарк.

– Как же я рада тебя видеть, ты пропала и всё! А я потом сюда и сама редко приезжала, знаешь.. Потом учёба, потом сразу замуж вышла, и вот. Трое детей у нас, представляешь?! – и прошептала заговорщически, – Четвёртого ждём. Муж пока не знает. Ой, ты первая узнала!

– К-как твой дневник? Всё пишешь?

Я не знала, что ещё сказать.

– Ой, да ты что. После того случая, когда дедушка нашёл и прочитал его... Узнал, что мы в лес бегали по ночам. Так взбесился! Я умоляла маме не звонить, но он позвонил, и меня в итоге вообще увезли домой! Как-то потом и не возникало желания больше вести его... А потом и дедушка с бабушкой умерли. В аварии, да... Ладно, дело прошлое. Теперь сюда к моему папе приезжаем. У него всё хорошо. Женился, не пьёт, работает... Только тебя хотелось найти. Ты как вообще, как мама? А папа... Ну, я слышала. Пойдём к нам, посидим, познакомимся... Позавтракаем.

Чёрт, а вот и доброе утро.

– Да... ты иди, я сейчас хотя бы умоюсь и зайду к вам.

Аврора просияла и обняла меня, с таким же неподдельным восторгом, как будто мы и не расставались никогда, и мне снова 13, а ей 10, и она так мечтает дружить со мной.

Если спросите о детстве, то я отвечу: весело и страшно. Это сейчас мы живём в мире неоткрытых сообщений, работа-домных настроений и в соцсетях тех, кто даже не подозревает о нашем существовании. А близких, тех, кто за нас болеет, гоним куда подальше от страха их разочаровать. От страха, что они уйдут, когда поймут, кто мы есть на самом деле. Они уйдут, а мы останемся. Мы живём в полной уверенности, что ни черта не можем и не значим, мы ненавидим всех, кого удобно ненавидеть, чтоб оправдать собственную лень. Мы жалеем себя за слабость и разрешаем себе её, чтобы был повод объедаться по вечерам в кровати. Мы выгоняем из кровати наших любовников, не успевая построить с ними семью, потому что всё успевать сложнее, а надо – проще. И нам кажется, что чем проще, тем безопаснее. Но мы – первые, кто обдирает себя до нитки, не оставляя ни надежд, ни веры в себя, ничего святого. А ведь когда-то давно в детстве, (помните?), мы же абсолютно всё могли, хотя даже не подозревали об этом, а теперь забыли. Но теперь я вспомнила.

Аврора – моя подруга.

#психозия

21.06.25.

## НАСИЛИЕ НАД НАДЕЖДОЙ

Я сидела на краю ванны и смотрела на тест. То, что я натворила после этого вечером, было никак с ним не связано. Но то, что ещё вчера оставалось самым главным тайным желанием, сегодня уже через несколько часов обратилось худшим кошмаром.

– Сколько же ещё ждать? Невыносимо!

Нужно было не экономить, и купить нормальный, электронный. Зазвонил телефон где-то на кухне. Я вздрогнула, уронила тест на пол, выругалась, споткнулась об торчащий из-за двери зонт, упала, расшибла колена, и только когда со всех ног примчалась на кухню, услышала недовольный голос мужа:

– Ну, что ты так долго, Надя?! С тобой все порядке? Я думал, что-то случилось!

– Я... я, – я растерянно смотрела на кровь, стекающую от колена по ноге, – Я же дома! Что может случиться?

– Я беспокоюсь за тебя! – поднажал муж.

С такой уважительной причиной не поспоришь. Это ведь не то же самое, когда он не отвечает на вопрос, с кем проводит время после работы.

– Всё хорошо... Ты скоро вернешься? Нам бы выставку обсудить.

– Слушай, я тебе позвоню, как освобожусь, возможно, поздно.

– Но ведь скоро уже конец месяца, и ...

– Мы что, снова будем ссориться сейчас?

– Нет, я хочу, но...

– Вот и я не хочу. Знаешь, нам в последнее время с тобой лучше в тишине общаться.

– Это как?

Я посмотрела на картину перед собой. На красном фоне в полный рост на меня смотрела я же сама, только как будто увиденная мужем: абсолютно голая, тревожная, хрупкая, одной рукой потирая висок от боли, а другой рукой пытаюсь прикрыть не наготу, а глаза...

– Ей богу, Надя, ты мне на моих картинах понятнее, чем на самом деле. Я запутался.

– На твоих картинах я лишь та, которой ты хотел меня видеть. А когда увидел то, что не хотел... то, к чему не готов был... то запутался, да?

– Опять!

– Что «опять», Мить?

– Начинаешь!

– Я сегодня тоже поздно приду.

– Ты же дома?!!

– Сейчас дома, но уйду.

– Скоро ночь уже!!!

– Но ведь и ты где-то гуляешь.

– Я по делу!!!

– А у меня, значит, дел быть не может?

– С ним опять будешь!

– Это вопрос? Если нет, то...

– Зачем ты это устраиваешь ?? Ты же знала, как я его ненавижу!

– Но он хозяин галереи! С ним нужно дружить! Мы должны. Скоро наша первая совместная выставка.

– Он тебя глазами пожирает, старый извращенец!

– Ну, хоть кто-то..., – промямлила я под нос.

– Зачем ты мне это сейчас говоришь?! Ты хоть понимаешь, что ты мне говоришь?? Зачем – сейчас, Надя?!

– Звучит так, что ты на пороге измены сейчас стоишь или... лежишь, а я масло в огонь подливаю...

Картина будто начала двигаться, а моё выражение лица в ней ухмыляться.

– Я лучше даже не буду это комментировать...

– Нам нужна эта выставка, ты же обещал, сам предложил... Мы выставим и мои картины. Первый раз. Богдан нужен нам. Ты и сам бы мог помириться...

– Я тебя к нему не отправляю!!! Ты всё это нарочно придумала, чтоб мне плохо сделать! Богдан?! Он уже для тебя Богдан?!!

– Богдан Геннадьевич...

– Знаешь что, я устал терпеть это всё! Что я должен чувствовать по-твоему?!!

– Но ты же и не смотришь на меня!! Мы как будто только по расписанию близки, потому что так одержимы идеей завести ребёнка! А так тебе давно наплевать!

– Ты бы ещё почаще строила всем подряд глазки и одевалась как...

– Как кто?!!

– Кто ходит с таким декольте, если замужем?!!  
– Да господи, я просто скучаю по мужскому теплу, понимаешь... ты так изменился...  
– От меня ведь не дожидаться! Сплошное мучение! Может, не стоило бесконечно провоцировать?! И тогда бы не пришлось удивляться, как я изменился!!  
– Если бы ты хотя бы раз... хотя бы раз сказал, что тебе больно... неприятно, когда я с другими ... никого бы не было, были бы только мы...

Муж замолчал на мгновение.

– Что там с тестом?...

Голос его смягчился, я даже почувствовала нотки вины и нежности, перемешанные с уходящим раздражением.

– Отрицательный, – соврала я, потому что так и не успела посмотреть.

– Ясно...

– Ещё попробуем сегодня?

– Знаешь, я сейчас так устаю, что...

Я закусила губу, подняла глаза к потолку, чтобы не зарыдать. Он сменил тему.

– По поводу выставки давай обсудим дома. Я, правда, хотел, чтоб твои картины были, но у нас не получается с арендой. Я просто никчемный старый идиот.

– Ты не старый...

Муж невесело засмеялся:

– Но всё остальное...

– Ничего отменять нельзя. Мы всё исправим! До вечера!

Через час я уже мчалась по мостовой в картинную галерею к Богдану Геннадьевичу. Дело уже давно повернуло на осень, хоть лето и сопротивлялось.

– Наденька, дождь же идёт, а ты без зонта!

Богдан был красивым мужчиной шестидесяти с небольшим лет, из тех, кого седина определенно украшала, особенно вместе с идеальной выправкой. В обычное время он выглядел жёстким, холодным и даже немного опасным, но до тех пор, пока не улыбался мне в ответ. Я знала множество скверных историй из его прошлого от мужа или от других в нашей тусовке. Но мне было всё равно, как он пришёл к тому, что имеет. Всё равно – до тех пор, пока он меня защищал. Порой даже от Мити.

– Да что он о себе возомнил, этот щегол, а?! Исписался весь! Да ты же раз в двадцать талантливее его! Одно твоё «насилие над надеждой» чего стоит! Я как увидел – обомлел!

– Но у нас с ним картины.. это ведь почти общее, на них на всех я...

– Только за счёт тебя и спекулирует теперь! И за счёт твоей красоты. Я всегда удивлялся, за что ты его выбрала?

– Слушайте, Богдан Геннадьевич, он талантливый человек, и...

– Мы же договорились на «ты», Надя... не так я стар. Если подумать, то и он для тебя стар, и уже чёрт знает на кого похож, не следит за собой! Ты же, как Венера...

– Но мы давно вместе, я училась у него, понимаете, и эти картины, они.. не просто картины. Они больше. Там весь мой мир, танец всех сложных состояний, эмоций, без слов, понимаете, чтобы было понятно без слов...

– Поэтому картины называются только по номерам?

– Да, и понимаете, нам так важна ваша поддержка, я знаю, что у вас сложно, но.. Может, вы могли бы? Хотя бы ради меня? У Вас столько влиятельных друзей, они могли бы прийти и купить их.

– Чтоб мои друзья купили картины, где ты обнаженная, и растащили их по всему городу?

– В глазах моих там больше наготы, чем в теле, понимаете, это не просто картины, они очень важны...

Богдан Геннадьевич отошел на шаг, чтоб лучше меня рассмотреть, сидящую на столе в залитом дождём мокром белом сарафане, и прищурившись, взял себя за подбородок.

– Эх, если бы я тебя узнал, до того как он тебя к нам притащил..

– Вы так говорите, как будто я какая-то авоська, которую можно просто притащить ...

– О, ты далеко не авоська, а самая шикарная молодая женщина, которую он точно не заслуживает!

– Да вы просто к нему необъективны из-за того старого скандала! Сами же раньше ему горы обещали!

Богдан придвинулся к моему лицу, упервшись сильными кулаками в стол. Я инстинктивно начала дрожать, представляя, как сарафан от дождя на голое тело наверняка почти просвечивает.

– Послушай, Наденька, я много художников перевидал на своём пути. У большинства из них истерики и гонора больше, чем таланта. Бежать тебе надо от него со всех ног, пока его кризис среднего возраста не накрыл вас обоих.

– Но он больше, чем другие! Я у него училась!

– Да ты хоть знаешь, что он о тебе говорит тут??

Я молча уставилась не него, не понимая, хочу ли знать.

– То, что он тебя давно не хочет! Представляешь?! Я думал, что ослышался! Как такую не хотеть?! Разве из ума выжил, идиот, краски надышался! А потом один сказал, второй, люди шушукаются. Бабы все тебе и так завидовали, им только повод дай позлорадствовать! Голой тебя рисует, чтоб другим продавать, а самому – всё равно!? Может, когда-то там давно он и был на коне, но теперь забыт и только за счет тела твоего нажиться хочет! Оглянись, Надя, над тобой смеются уже все, ты так себе всю карьеру угробишь, а она даже начаться не успела! Зачем тебе этот неудачник?!

– Но мне нужна... , – я уже задыхалась от слёз и забыла про мокрое платье и тонкие лямки, которые упали с плеч, – нам нужна эта выставка. Она важна, потому что там весь мой мир, там... танец всех сложных... там в глазах больше наготы, чем...

– Наденька, – руки Богдана Геннадьевича гладили мои плечи, с которых минуту назад слетели бретельки, – Давай я тебе лучше твою выставку организую, а? Вообще без него! У тебя шикарные картины. Про надежду, про свет, про тьму, а? Соглашайся!

Богдан Геннадьевич одной быстрой хваткой развернул меня к себе спиной. Теперь я сжала кулаки и упёрлась ими в стол. Я вспоминала, как снова говорить, как выродить из себя слова. Рот не слушался, как от анестезии.

– Но мне... правда.. важно.. сначала ту, потому что мы...хотели... чтобы...

– Чёрт с тобой! Будь по твоему! Какая женщина! Ты всего добьёшься! Кого угодно уговоришь! Как он может быть таким оленем! Ну, теперь-то уж точно ... с рогами! Как тебя можно не хотеть! Какая женщина!

Богдан уже не понимал, что говорил сам, и я тоже не различала его слов, я слышала лишь стук расшатывающегося стола об пол и толчки, толчки, толчки – нас закрутило в кармическую воронку оттенков моей картины про надежду. И я клянусь, что сама не знала, о чём она. До этого дня.

Муж был дома, когда я вернулась. Он пил чай на кухне и смотрел на кровь на белом ковре.

– Это... это случайно, я коленку поранила, ничего страшного, не волнуйся, у меня хорошие новости!

– Да, я тоже хотел обсудить..., – он выглядел смущённым.

– Выставка будет! В конце месяца!

Митя молчал.

– Выставка! , – визжала я в истерической радости, – Наша выставка ! Общая! Первая! Как мы хотели!

– Но просто ...

– Я договорилась, не думай о нём, будут все нужные люди!

– Но.. дело в том, что я не могу. Не смогу в это время.

– Не сможешь? Как это?

У меня задрожали губы и колени, я села рядом на стул, прикрывая их руками.

– Ну, в общем, у нас тут сложно было все в последнее время с тобой, и я подумал... Ну , в общем, решили мы прошлую выставку возродить с той командой. Тем более что там почти ни одной картины не купили, всё на месте. Правда помещение поменьше будет, но я думаю, что надо уже продать их, а потом уже за твои приступить... и за наши... их-то уж точно раскупят, как пирожки, ты там такая красавица!

На словах про красавицу он робко поднял на меня глаза и улыбнулся так, как ученик на экзамене заглядывает на преподавателя, пытаюсь угадать ответ.

Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем он нарушил паузу.

– Надя, я тест твой нашёл.

Я смотрела на него и не смогла бы назвать ни одной эмоции, которую испытывала. Все нервные окончания оглушила пустота, и к ней было не подобрать оттенков.

– У нас будет ребёнок, Надя! Вот продам свои картины, и будет всё хорошо! Потом сделаем что-нибудь и с тобой! Но давай как-то по порядку. Я должен закончить своё старое дело. Отвлечись от наших ссор. Сложно у нас было с тобой в последнее время ... но ведь теперь всё будет хорошо, да?! Мы справимся?

– Я пойду полежу, – сказала я и не узнала свой голос.

Поспать мне не дали, потому что позвонила мама.

– Ну что, Надька, как дела? Скоро увидимся?

– У меня... , – я потрогала влажный несвежий сарафан на животе.

– Ну да, как же! Мы же билеты с папой взяли! На твою первую выставку! Ну, то есть вашу, конечно! Отец всем на работе растрепал уже! Дочь – художница! Ты бы видела его! Умора!

– Мам...

– А я уже себе платье купила, такое красное, буду в вашей гамме, картины просто отпад! Если честно, я не очень понимаю, особенно твою про надежду, насилие ли... – мазня какая-то, но папа говорит – отпад!

– Мам, выставки не будет...

– Как не будет?

– Ну так... и мы, мы с Митей, мы больше не вместе, понимаешь.

– Как не вместе?! Ты что такое говоришь?! А папа всем рассказал уже, а я платье купила..

– Мам, пожалуйста...

– Так, а что нам теперь делать? Билеты сдавать?!

– Давай я Вам возьму все деньги.

– Да на что ты возместишь ! Вы сами на что живёте с ним?!

– Пока, мам, я больше не могу говорить.

Я бросила трубку, не дождавшись следующей реплики и уснула мгновенно, так и не узнав, что в тот вечер муж пришёл в постель почти сразу, не избегая меня за мольбертом до утра. Он знал, что больше не нужно продолжать попытки, ведь у нас всё получилось.

## ГРИШКА СОГЛАСИТСЯ

Зачем надевать дорогое кашемировое пальто, если тебя будут валять в грязи? Наверняка же испортят его, я знаю, проходили. Именно по такой причине в моём гардеробе всегда дубли вещей: что-то попроще, выглядящее также ярко издалека. То, что не жалко будет извалять в грязи.

Хрустят ветки деревьев. Небо задумывает шторм, разум – гибель. Я знаю, что это он следит за мной, из-за кустов. Дрожит и обливается потом. Он ещё не решил, стоит ли меня спасать, либо остаться смотреть. Но одно ему известно – он точно не сбежит.

– Принесла? , – слышу я суровый голос.

Напротив меня огромный бородатый человек. Мне никогда не сравниться с ним по силам.

Я молчу, великан вырывает из моих рук конверт.

– А теперь беги, – шёпотом рекомендует человек. Он не шутит.

И я бегу, падаю непременно через 200 метров, когда одна сухая ветка больно врезается мне в бок.

– Уууу, – реву я, как и много раз до этого.

Чья-то сильная рука твёрдой хваткой ставит меня на землю вертикально, прямо за волосы.

– Дура, рано, – Жевательные мышцы великана инстинктивно подёргиваются, поэтому его огромная борода нервно пританцовывает.

Меня это жутко веселит. Смех сдержать труднее всего. Я больше не могу. Я смеюсь.

– Как мне надоело, Боря!

– Ты всё портишь, он же смотрит.

– Он извращенец, я не подписывалась под тем, чтобы играть самой. Моя задача заниматься сценариями и актёрами.

– Но он хотел именно тебя.

– У меня что, на лбу написано – жертва?

– Нет, наоборот. Ты просто бесишь. Порой так бесишь, что сил нет терпеть. Сам порой жду не дождусь, когда буду валять тебя в грязи.

– Ты тоже извращенец, выходит.

– Нет, я мужчина. А ты никогда не могла этого понять, поэтому так бесишь.

Слышится хруст веток, и мы вздрагиваем. Боря не меньше моего.

– Да ты же маленький трус! , – я хохочу и убегаю от Бори. Я знаю, что если побегу во всю силу, то великану ни за что меня не догнать. Я ещё в детстве научилась убегать от других великанов.

Боря сипит от одышки и падает на колени.

– Стой, дура, стой!

Я бегу.

– Убью, на хрен!!!

Боря не шутит.

И тут из кустов выбегает молодой парниша лет 20ти. Волосы взъерошены, глаза на мокром месте.

«О, господи, только не это», – закатываю я свои.

– Не трогай её , урод!

Мальчик начинает лупить великана своими худощавыми кулаками. Я немногим старше его, но между нами целая пропасть.

– Ты что тут делаешь , идиот? Совсем уже чокнулся?

– Не отдам её тебе! Меня убивай, меня!

Слёзы парниши залили Боре всю рубашку.

Великан хватает его за плечи и трясёт.

– Да что с тобой такое, а?!? Ты нас с матерью в могилу свести хочешь, да?? Найди себе дела по душе, по возрасту ! У тебя девушка была нормальная хоть раз ?

– Я Вику люблю.

Это он обо мне. Я хлопаю себя ладонью по лбу, а Боря взрывается.

– Я сказал, НОРМАЛЬНУЮ!!! Ты до инфаркта довести меня хочешь ? Забудь о ней, это не твои проблемы, сын! Гришка!... Ты хоть раз с женщиной был, а? Ну, по-настоящему.

– Был, – врёт Гришка и опускает глаза. На самом деле почти не врёт, я это знаю, а вот Боре лучше не знать.

– Послушай меня!! , – великан продолжает трясти сына за лицо и похлопывать так, что у Гришки уже щёки покраснелись , как в сказке про Ивана, – Ты думаешь, ты нужен ей, да? Ей никто не нужен! Ей солдаты нужны! Солдаты для её безумных идей!

Мне надоедает эта сцена, я зеваю.

– Неустойку клиенту будешь платить ты, – я киваю Боре и бреду из леса прочь.

На следующий день оказывается, что клиент очень доволен и заплатил нам вдвое больше.

И заплатит второе, если Гришка согласится повторить.

Боря будет против, но Гришка согласится. Все согласятся.

## У СТАРЫХ ГРЕХОВ ДЛИННЫЕ ТЕНИ

– В парке становится по-настоящему красиво, надо успеть. Затевается осень....

– Ты давно там у окна стоишь?

Слышу я сонный голос моего влюблённого мальчика.

– Куда нам надо успеть, куда?

– Не куда, а что, – говорю я, и отталкиваю его руку. Он уже вскочил с кровати и по обыкновению своему забрасывает тёмные волосы назад, чтобы лучше меня разглядеть. На самом деле смущается до сих пор, даже несмотря на эту ночь. Я гляжу на него не столько хищно, сколько с удовольствием, отмечая как кожа на его лице стала лучше и чище, и даже едва заметно сияет, за этот месяц, что он у меня ночует.

– Твой отец нас убьёт. Хотя, наверное, только меня. Тебя пожалеет, как всегда.

– Я тогда сам его убью, – с жаром выдаёт Гришка.

– Ну что же ты, разве так можно, подожди ещё хотя бы два года, пока доучишься в институте. Ты ведь на его шее полностью.

– Ты мне важнее всех институтов! Мы с тобой сами денег заработаем! Завтра же идём! Я сказал ему. Он не сможет помешать . К тому же папа сам деньги любит. Даже больше, чем ты.

– Даже больше, чем я..., – я закатываю глаза и смеюсь, глажу его по щеке, подчиняю себе его голову, мозг и мысли одним нежным крепким обручем поцелуев, перемещаясь губами слева направо по его лбу.

- Вика..., – шепчет мой мальчик.
- Да, хороший мой?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.